

Валентина КОРОСТЕЛЁВА

г. Балашиха

«И листья в рифму
шелестят...»

А Пушкину

1

Пушкин... «...как много в этом звуке»!..

Вот, к примеру, умеет Александр Сергеевич подарить праздник душе или как минимум улыбку.

Уже в первой строфе «Евгения Онегина» он задает тон по сути всему роману, представая перед читателем добрым знакомым, умеющим и занятно, и с улыбкой вести беседу. Порою это легкая ирония – иногда с озорством, иногда с горчинкой, а то и с перцем.

*Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же черт возьмет тебя!*

Так думает Онегин о дяде, сельском отшельни-

ке, которого он почти забыл, что вполне извиняет еще молодого светского человека.

Природное остроумие плюс перипетии судьбы то и дело подталкивали поэта к языку юмора, сатиры, а то и прямого сарказма.

*У Кларисы денег мало,
Ты богат, иди к венцу:
И богатство ей пристало,
И рога тебе к лицу.*

«Я никогда не забуду его игривой веселости, его детского смеха... – вспоминала Анна Керн. – В подобном расположении духа он раз пришел ко мне и, застав меня за письмом к меньшей сестре моей в Малороссию, приписал в нем:

*Когда помилует нас бог,
Когда не буду я повешен,
То буду я у ваших ног,
В тени украинских черешен».*

А вот уже куда острее – в адрес Каченовского, редактора «Вестника Европы», ответившего, но не впрямую, на предыдущие эпиграммы Пушкина.

*Справедливы ль эти слухи?
Отвечал он? Точно так?
В получение оплеухи
Расписался мой дурак?*

Говоря об эпиграммах Пушкина, невозможно пройти мимо самой знаменитой, посвященной генерал-губернатору Новороссии Воронцову, дружба с которым кончилась для поэта высылкой из Одессы в Михайловское. Но, как говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло. Именно в тиши среднерусской природы создал Пушкин многие свои шедевры... Но вспомним еще раз ту самую эпиграмму:

*Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным, наконец.*

Такой экспрессии, такой концентрации смысла в 4 строках трудно еще где-либо найти. Ни слова случайного. «Полу-милорд» – намек на английское воспитание Воронцова, «полу-купец» – указка на близость к бизнесу Одесского порта. Остальное более чем ясно.

Трудно расстаться с этим жанром в творчестве Пушкина, ничего не скажешь. Поэтому приведу еще один шедевр, весьма яркий.

*В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому что (---) есть.*

Так приветствовал неисправимый, неугомонный в этом смысле поэт самого вице-президента Академии князя Дондукова-Корсакова, «влезшего» в кресло по протекции!

Но вернемся в наше время. 6 июня, Колонный зал Дома союзов. Вечер ведет поэт Владимир Костров. Участвует Виктор Боков, всегда заражающий публику своим задором и жизнелюбием. Атмосфера в зале соответствующая. Я уже выступила и со сцены спокойно разглядываю наэлектризованный поэзией зал. Вспомнилось: «Весе-

лое имя – Пушкин» и показалось, как когда-то в Михайловском, что поэт здесь, с нами, и, возможно, инкогнито. И несколько строф сами проявились на обороте большого и красивого пригласительного билета:

*За стенами дрогла столица,
А в зале струилось тепло,
И солнце сияло на лицах,
И солнце в улыбках цвело,
И правило стихотворенья,
И пламень бессмертья горел, –
А Пушкин сидел в отдаленье
И с доброй улыбкой смотрел.
Он выбрался в кои-то лета
Оттуда, где правил покой,
И в такт молодому поэту
Постукивал об пол ногой.
– Ах, боже мой, сколько задора,
И, кажется, точно поэт!..
– Потихе! – с привычным укором
Сказал седовласый сосед.
Пииты на сцене дерзали,
Сверкали глаза и слова...
Притих в ослепительном зале
Неузнанный гвоздь торжества.
Да что, в небесах или Париже
И гением вдруг нарекут,
А в жизни прикрикнут: «Потихе!»
И локтем ещё подтолкнут...*

2

2004 год. Делегация Союза писателей России принимает участие в Пушкинских днях в Крыму. И – новые открытия, новые штрихи удивительно насыщенной биографии Поэта.

Возьмём тот же 1820 год. Пушкин, едва оперившись в светском Петербурге, только-только узнавший, что такое слава, но уже возмужавший духом, о чём несомненно говорит ода «Вольность» (и за неё в том числе он попадает в опалу), – едет в первую свою ссылку, и разбитые российские дороги становятся свидетелями этого путешествия... И вот позади – Екатеринославль (где он заболел, и не на шутку, лихорадкой), Кавказ, что дал пылкому юноше массу впечатлений и тему для «Кавказского пленника», и, наконец, – берега древней Тавриды, которые давно нами зовутся южным берегом Крыма. Конечно же, поэт не мог не посвятить этим местам своих вдохновенных строк:

ТАВРИДА

*Ты вновь со мною, наслажденье;
В душе утихло мрачных дум
Однообразное волненье!
Воскресли чувства, ясен ум.
Какой-то негой неизвестной,
Какой-то грустью полон я;
Одушевленные поля,
Холмы Тавриды, край прелестный –
Я снова посещаю вас...
Пью томно воздух сладострастья,
Как будто слышу близкий глас
Давно затерянного счастья.*

Ссылный путешественник Пушкин – молодой, горячий – остро переживал самое чувство несвободы. Плюс болезнь, отнявшая немало физических сил (Николай Раевский застал его в бреду, с температурой), плюс опасные переходы-переезды по Кавказу из-за постоянных набегов горцев в то время, – словом, многое ложилось на его впечатлительную душу. И на фоне всего этого – 3 недели августа, проведённые в Гурзуфе, – стали той светлой сказкой, которую бережно хранила его память.

*... Здесь помнит каждая ракушка
Его весёлый дерзкий взгляд,
И выдыхает море: «Пушкин!...»
И листья в рифму шелестят...*

Здесь он забыл, что несвободен, по крайней мере, в душе.

Прибыл сюда с семьёй генерала Раевского и остановился с нею же в доме Дюка Ришелье, губернатора Малороссии. Среди хижин, разбросанных по склону берега, уходящему к гряде Крымских гор, дом этот тогда смотрелся настоящим дворцом... Сегодня это музей Пушкина, самое старое по возрасту здание в Гурзуфе.

Раевский приехал с четырьмя дочерьми: старшими – Екатериной и Еленой, и младшими – Марией и Софьей. Настоящим другом Пушкину стал сын Раевского Николай, – в отличие от его старшего брата Александра, человека настолько своеобразного, что общение с ним отнимало порой немало душевных сил. Кстати, в этой поездке возник у поэта замысел «Евгения Онегина», и исследователи находят немало общего между героями романа и семьёй Раевских.

Итак, в Гурзуфе Пушкин ещё более сдружился с Николаем, не раз беседовал с генералом, доб-

рой души семьянином, и, конечно же, сестры Раевские (каждая хороша по-своему) не могли не волновать его горячую молодую кровь, не будить творческое воображение...

*... И в час, когда судьбы везенье
Чем реже было, тем бледней, –
Он вспоминал Гурзуфа сени,
Сказанья юности своей...*

Пушкин совершенно поправился, уплывал далеко в море и был счастлив, оттого что мог наслаждаться всем, что подарила ему судьба... Здесь же Мария Раевская, волнуясь, рассказывала ему легенду о любви, ставшую основой поэмы «Бахчисарайский фонтан». И на этом берегу он встретил «дуб зеленый» старше себя на полтора века, и «прописал» его после у «Лукоморья».

*... Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несёт богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идёт, бредёт сама собой,
Там царь Кащей над златом чахнет,
Там русский дух... там Русью пахнет!..*

«Отрадно, – писала я двадцать лет назад, – что усилиями истинных подвижников сберегается здесь музей Пушкина, есть библиотека его имени и школа... Поселковый совет не в состоянии взять многое на себя, а в Крыму, как и в России, на культуру денег не хватает... И не слишком удивляешься, когда видишь, как молодые «леди» фотографируются в фривольных позах рядом с Поэтом, высеченным в камне, а малышня на глазах мам готова взобраться на памятник, как на береговой валун... Когда русский язык в дневниках школьников именуется «иноземным», то что-то в душах нового поколения меняется, и, как видим, не к лучшему... И все-таки, при всех противоречиях, 6 июня 2004 года здесь состоялся-таки Пушкинский праздник, гостями которого были писатели Украины, Белоруссии и России. И хотя не все шло как надо, как это было в единой когда-то стране, – ясный взгляд Пушкина звал к высокой мудрости в делах, словах и самой жизни...»

3

Мастер во всех жанрах, Пушкин дорог нашему сердцу прежде всего как лирик. Кто не таял душой, слушая романсы на его стихи? И тут дело совсем не в славе поэта еще при жизни. Его лирика настолько музыкальна уже по сути своей, что надобно было только услышать ее и озвучить... Пушкин универсален, к чему не притронешься. Читаешь сказки – и кажется, что они сложены в глуби народной. Читаешь просто стихи или прозу – и кажется, мы и сами вот так же, тем же языком, безыскусно вроде бы, на естественном дыхании, – могли бы рассказать ту или иную историю, выразить те или иные чувства. Творческий человек знает, как обманчиво это впечатление. Ну-ка, попробуйте выдать на-гора что-нибудь подобное:

*Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.*

Вроде бы где яркие метафоры, где гениальные образы? Простые слова, поставленные в естественный логический ряд. «Да что тут такого, в самом деле? Да я вам вот сейчас... вот толькоточку подождите...»

Валентина КОРОСТЕЛЁВА

родилась в Кирове.

Окончила Литературный институт им. А.М.Горького.

Стихи и очерки публиковались во многих «толстых» и «тонких» журналах, звучали на российском радио.

Издала 23 книги, из них 13 поэтических.

Лауреат литконкурсов имени А.Платонова,

*«Добрая лира», «Золотое перо Руси»,
ряда конкурсов за рубежом (Вена, Берлин, Нью-Йорк),
а также им. Ф.Тютчева и А.Белого.*

Обладатель Золотой Пушкинской медали.

Заслуженный работник культуры РФ.

Живёт в Балашихе.

